Дражайши музы, отложите
Взводить на мысль печали тень;
Веселым гласом возгремите
И пойте сей великий день,
Когда...

Классический пример в оде 1746 г. на день восшествия Елизаветы Петровны (I, 16):

Уже народ наш оскорбленный
В плачевнейшей ночи сидел
. . . . . .
Нам в оном ужасе казалось,
Что море в ярости своей...
и т. д.

после чего немедленно (строфа 10) явление гиганта:

Там грозный злится исполин
Рассыпать земнородных племя
И разрушить натуры чин
. . . . . .

чем объединяются оба Малербова варианта; в силу этого, именно данная ода, после перепечатки ее в Собр. соч. 1751 г. (где она стала 2-й похвальной одой), стала образцовой для учеников Ломоносова. Почти буквально повторяет «оный ужас» Поповский в талантливой оде 1754 г.[1] Но самого пышного расцвета (количественного) достигает тема в одах 1762—1763 гг. на екатерининский переворот; эти годы вообще имеют в истории русской оды особое значение, что видно уже из того, что на каждый из предшествующих годов падает никак не больше пяти торжественных од (обыкновенно 1—3), между тем как под 1762-м годом нам лично известно 25 од, почти столько же под 1763-м (на деле было еще больше), а далее (даже до турецкой войны) одическая продукция почти не ослабевает, а в 1768—1772 гг., естественно, расширяется. Ода именно с 1762 г. становится массовым явлением. Еще большее расширение (до 50 одних нами зарегистрированных на каждый год) произойдет в годы второй турецкой войны, Французской революции и II и III раздела Польши. Внимательный анализ мог бы показать 1) что причина этого —

[1] Поповский Н. Ода на день восш. Елизав. Петр., СПб. Акад. Наук (Сопиков, 7247).